

**Юрий
Мамлеев**

**Юрий
Мамлеев**
Крылья
ужаса

роман
рассказы

альпина

ПРОЗА

Издательство
«Альпина нон-фикшн»
Москва, 2022

УДК 821.161.1-3 Мамлеев Ю. Издательство благодарит Banke,
ББК 84(2Рос=Рус)6-44 Goumen & Smirnova Literary Agency
M22 за содействие в приобретении прав

Мамлеев Ю.

M22 Крылья ужаса : роман; Рассказы / Юрий Мамлеев. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022. — 296 с.

ISBN 978-5-00139-555-3

Юрий Мамлеев — родоначальник и признанный мастер жанра метафизического реализма. Его проза — удивительный сплав гротеска и глубокой философичности, шокирующие тексты с элементами мистики. Его мир — мир гротескный и фантастический, населённый странными и страшными людьми.

Настоящее издание составили роман «Крылья ужаса» и рассказы разных лет. «Крылья ужаса» — роман-зарисовка из жизни странных обитателей одного дома: экстрасенсов, ясновидящих, общающихся с духами и тенями, рассуждающих о жизни и смерти, Абсолюте и Вечности. Жизнь и смерть находятся в странном сближении, граница между ними прозрачна и призрачна — точно так же, как граница между нормальностью и безумием.

УДК 821.161.1-3 Мамлеев Ю.
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00139-555-3

© Мамлеев Ю., 1993
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2022

Содержание

Крылья ужаса

Роман

9

Рассказы

Дневник собаки-философа

129

Городские дни

137

В бане

146

Выпадение

151

Верность мёртвым девам

155

Великий человек

166

Один

177

Оно

184

Новое рождение

189

Ерёма-дурак и Смерть

196

Вечерние думы

207

Живое кладбище

216

Валюта

227

Крутые встречи

238

Бегун

253

Дорога в бездну

270

Дикая история

289

Крылья
ужаса

Глава 1

В московском переулке под названием Переходный, что на окраине города, дом № 8 внешне не занимал особого положения. Дом как дом, деревянный, старый, трёхэтажный, с зелёным двориком, с пристройками и многочисленными жильцами. Рядом ютились другие дома и домишки, образуя как бы единое сообщество. Но народец в доме 8 подобрался — волею судеб — весьма и весьма своеобразный...

Люда Парфёнова, молодая женщина лет тридцати, много и странно кочевавшая на этом свете, переехала в дом №8 относительно недавно. Жила она здесь в маленькой двухкомнатной квартирке одна.

История её была такова.

Постоянно её преследовали люди, охваченные необычной жадной жить, жить вопреки факту и вопреки самой природе. Ещё в детстве её любимый мальчик сошёл с ума от этой идеи; глаза его надломались от какой-то бешеной жажды жизни в самой себе. Так что Люда без дрожи губ не могла на него смотреть. А потом мальчик пропал навсегда.

С любовью у Люды — вначале — тоже были странности. О любви она впервые узнала ещё

девочкой, в детстве, подсмотрев соитие умирающих, затаённо, через окно низенького соседнего дома. Хозяин там был тяжело болен, недалёк от смерти, но, несмотря на это, приводил к себе — для страстей — такую же больную, обречённую, с которой познакомился в очереди у врача.

Люда, согнувшись от ужаса и жалости, смотрела тогда на их трепет и подслушивала так не раз, потому что приковал её не только трепет, но и слова, и ещё некий ласково-сморщенный полуад, растворённый в их комнате. Особенно неистовствовал соседка — пожилой уже в сущности человек — и плакал от оргазма, а потом визжал, что не хочет умирать.

Видела Люда не раз, как он сперму свою клал себе в чай, чтобы выпить «бессмертие». А женщина тоже плакала и отвращала его от этого, но сама тоже хотела жить и цеплялась руками во время соития за кровать. И дышала так судорожно, что, казалось, готова была сама наполниться воздухом, чтобы стать им, этим воздухом, таким живым и неуловимым... растворённым везде... нежным и вездесущим... Но это плохо ей удавалось, и капли липкого смертного пота стекали с её лица, и она гладила свои уходящие руки, плотские руки, которые никак не могли стать воздушными, недоступными для смерти. И тогда она хохотала и плакала, и опять целовала мужчину, и они, слипшись в предсмертной судороге, выли и стонали, и их некрасивые, тронутые разложением тела выделялись в полумраке комнаты. И Люда видела всё это и понимала...

Она почему-то не считала тогда саму себя бес-
смертной, как многие полагают в её невинном воз-
расте, может быть, потому, что сама много болела.
И поэтому такие сцены выворачивали её душу,
и она бесилась и с детства (топнув ножкой) часто
думала о том, есть ли на свете способы стать бес-
смертной. Но умирающих этих любовников по-
любила болезненно, не по-детски, и дарила им
игрушки, приносила картошку после их соитий,
и поразилась, когда однажды узнала, что женщина
померла. И мужчина-сосед выл по своей сосмерт-
нице, но потом, говорят, нашёл другую умираю-
щую, но не успел насладиться, так как сам скоро
умер. И вид его после смерти — Людонька под-
смотрела — был ненормален: он чуть не хватал
себя за голову, точно хотел унести её от могилы.
Какой-то карапуз плюнул ему в гроб от этого не-
удовольствия.

Потом, повзрослев, Люда решила бороться.
Но как? За тенью всех событий её жизни ей всё
время попадались эти люди, объятые патологич-
еской жадной бытия. Она их сразу могла отли-
чить от других по ряду признаков. Это, конечно, не
были «жизнелюбцы» (в обычном понимании этого
слова), то есть которые бегали за карьерой, за про-
дуктами, волновались, кричали, ездили, уезжали,
опять приезжали, дрались, добивались, а реальная
жизнь, то есть их самобытие, проходила мимо них.
Нет, Люда встречалась не с такими, а с теми, кто
знал настоящую цену жизни, с теми, кто был по-
гружён в реальную жизнь, а не в погоню за при-
зраками...

И эта реальная жизнь — было их собственное самобытие, которое они умели постигать и разгадывать, которым они умели жить, наслаждаясь жизнью в самих себе ежеминутно, ежечасно, независимо от того, чем им приходилось заниматься в повседневной жизни, независимо вообще от увлечений, работы, дел...

Люда различала «их» даже по движениям, по дрожи голоса, по особенной осторожности, по глазам. И любила втайне общаться с ними, развивая в себе эту способность жить сама собой, жить самой жизнью во всей её бездне, в её бесконечных измерениях и удивительных открытиях. И тогда ей ничего особенного не надо было от жизни, ибо всё основное скрывалось в ней самой, а всё остальное было приложением, которое можно иметь, а можно и не иметь, — самое главное наслаждение, и смысл, и радость от этого не менялись...

Особенно сдружилась она с одной полустарушонкой — очень бедной, почти нищей, но погружённой в своё самобытие. Её маленькая комнатка превратилась прямо в раёк для неё — без всякого сумасшествия.

Собственно, в Люде самой всё это было заложено (в более глубинной степени), и тянулась она поэтому фактически к себе подобным. Порой она познавала своё бытие и жизнь — так полноценно, так безмерно, что только дух захватывало от блаженного ужаса, и бесконечность свою воспринимала так, что с ума можно было сойти, хотя никакого ума уже не нужно было при такой нездешней жизни. И главное ведь заключалось не

в «наслаждении» (хотя «наслаждение» входило как элемент), а в другом, в том, что было центральной всего на свете: в её бытии, познаваемом каждую минуту, бездонном и страшном, заслоняющем весь мир.

Люда чувствовала, как невероятно можно было бы так жить (особенно если развить «способности»), но кое-что в миру всё же явно отвлекало, и пугало её, и действовало на нервы...

Глава 2

Один из таких тяжёлых случаев, «подействовавших на нервы», был связан с её двоюродным братом, к которому она одно время очень привязалась.

Про человека этого не раз говорили, что он упал с луны. Но в то же время он очень хотел жить, хотя и по-своему. Впрочем, было такое ощущение, по крайней мере в его школьные годы, что он вообще не понимал, куда он попал и что с ним творится. Не раз он задавал, например, сам себе вопросы: почему у него нога и почему рука, и вообще в те годы он с крайним недоумением относился к собственному телу и, казалось, был ошарашен от его существования.

Люда тогда порой успокаивала его, поглаживая по головке, когда он мечтал на диване. Успокаивала в том смысле, что-де не всё ещё потеряно и что вот так жить, с телом, — ещё далеко не самое худшее, что может произойти. Лёня — так звали брата — не раз подбадривался при таких словах сестры и кричал потом по ночам, что он-де вообще ничего не боится.

Люда, пытаясь его настроить ещё более глубоко, на внутреннюю жизнь, твердила не раз за

чаем, что ей наплевать на весь мир и что ей всё равно, есть ли у неё тело или его нет, лишь бы было самобытие, и что тело своё она ощущает не как тело, а просто как своё бытие.

Лёня не понимал её слов, и тогда она, чувствуя безнадежность, переводила разговор на политику или на конец света. Но Лёня плохо чувствовал, что свет вообще существует, и потому к концу того, чего нет, относился со здоровым удивлением. Только в ответ разводил руками.

Но годам к двадцати трём в нём вдруг произошёл неожиданный переворот. Он неожиданно определился, понял, что он не где-нибудь, а на месте, и почувствовал в себе какой-то таинственный, потенциальный талант. Ему вдруг ещё бешеной захотелось жить и проявлять себя до бесконечности.

Люда способствовала ему в этом начинании. Правда, талант его был в каком-то странном состоянии, но он явным образом был гуманитарного характера, причём в разнообразном направлении: Лёня писал статьи, рисовал. Он чувствовал, что сможет утвердиться...

Параллельно крепло и желание жить. В этот период Люда немного отошла от него, тем более у неё завёлся мучительный роман с молодым человеком, наполовину обалдевшим от неё. Он, в сущности, ничего не понимал в ней, но именно поэтому привязался к Люде как к загадке.

Люда к тому же считала, что он сможет разгадать её или приблизиться к ней духовно, только будучи в огненно-нетрезвом виде, и поэтому нещадно поила его. Кирилл — так звали

полюбовника — действительно в нетрезвом виде прямо-таки озарялся и где-то искал пути к пониманию Люды.

— Я в тебе вот что не пойму, Люд, — твердил он ей однажды после бутылки кориандровой водки, выпитой где-то в закутке. — Почему ты смерть любишь?

— Да откуда ты взял, что я смерть люблю? — ответила тогда Люда и выпила свою стопочку, стоявшую на земле.

— Да потому, что в глазах твоих это вижу. Я, Люд, в то, что ты мне объясняешь, всё равно не войду, не моего это ума дела. Я, когда ты говоришь, в глаза твои гляжу — и вижу там смерть.

— Хорошо, хоть что-то видишь, Кирюшенька. Но почему смерть? Не в ту сторону глаз глядишь, мой милый...

— В другую сторону я и не заглядываю. Хватит с меня и одной стороны твоих глаз. Я тебя, Люда, очень люблю и на том свете буду любить ещё больше...

Уже подумывали они о браке, о ранней семье, как вдруг Кирюшка, неожиданно для самого себя, сбежал. Испугался, одним словом, её, Люды, или, может быть, её глаз. Люда недолго горевала, точнее, не горевала вообще. И опять положила глаз на своего брата. К этому времени брат уже окончательно заважничал, словно абсолютно понял, где, в каком мире он теперь живёт и что он далеко не последнее существо здесь. Стал даже петь по ночам песни, правда, не в меру весёлые. Один из соседей по коммунальной квартире — лохматое, неповоротливое, гетеросексуальное

создание, звали его Гришею — не раз повторял, что, если б Лёня пел грустные песни по ночам, всё было бы нормально и он бы засыпал, а что-де от весёлых песен у него, у Гриши, шалют нервы.

— Какое сейчас веселье на земле! — кричал он в коридоре. — Тоска одна теперь от веселья-то!

Но Лёню теперь уже почти не покидало это веселье, точно он летел навстречу своему таланту и будущему. Талант действительно из него выпирал, и он становился в меру известным...

А Люде было приятно общаться с будущей знаменитостью.

И вдруг всё рухнуло, особенно веселие. Брату объявили, что у него запущенный рак, о котором он и не подозревал, и что он, такой молодой, скоро умрёт, умрёт через полгода, самое большее. Последнее, главным образом, и не удалось скрыть.

Люду перекосило от ужаса. Прежде всего Лёня был её брат, хоть и двоюродный, и поэтому она почувствовала в первый момент, что эта будущая смерть имеет к ней самое прямое отношение. Она почти забросила свой институт и в то же время никак не могла понять, что это значило бы для неё: стать мёртвой или умереть. Она никак не могла связать это событие с собой, настолько оно казалось ей абсурдным. И к Лёне стала относиться с любопытством, как к своему непонятному будущему. И в то же время страстно жалела его... Ей казалось, что его надо во что бы то ни стало в чём-то убедить логически, и тогда найдётся здравый выход, потому что в мистический выход Лёня всё равно не поверит, думала она на подходе к его

дому, нервничая, потому что это было первое посещение брата после такого известия.

Она юркнула в широкую пасть парадного входа, проскочила в лифт и с дрожью поднялась на шестой этаж — с дрожью, потому что лифт олицетворял для неё капкан, падение с высоты и смерть. Позвонила положенные три раза. Открыл другой сосед брата, толстун, и провёл её к Леониду, захлопнув дверь. Лёня стоял посреди комнаты, в руках у него была нитка с нацепленной бумажкой, которой он забавлял огромного серого кота, играя с ним. Кот подпрыгивал и бил лапой по бумажке.

— Как дела? — неожиданно спросила Люда.

Леонид ничего не ответил, продолжая забавляться с котом.

— Ты непременно излечишься, непременно! — почти закричала Люда. — Такие, как ты, не умирают! Так рано!

Леонид захохотал, но хохот этот относился к коту: кот неудачливо перевернулся, гоняясь за бумажкой.

— Что тебе надо от меня? — спросил он наконец, остановив игру. — Видишь, я играю с котом. Кот этот сумасшедший, и говорят, что он тоже скоро умрёт. Да и вообще коты не долго живут: всего 10–12 лет, чуть-чуть больше иногда.

Люда остолбенела. Но взгляд Леонида был здоровым, хоть и таинственно-холодным. Люде почему-то показалось, что он уже умер и в то же время, мёртвый, играет с котом.

«Игрун», — мелькнуло в её голове.

И стало почему-то жалко собственное тело, которое было таким сладким и мягким.

«Это конец», — подумала она во второй раз.

Лёня тем временем показал коту язык. Кот рас- свирепел и сильно ударил его лапой по ноге.

Люда вскрикнула. Тогда наконец Леонид обра- тил на неё внимание, не теряя, однако, контакта с котом, искоса поглядывая на него, то показывая ему язык, то подмигивая ему.

Кот напряжённо сидел на полу.

— Приготовить чай, Люда? — озабоченно и даже участливо спросил он.

— С вином, с вином, Лёня, — истерично отве- тила ему Люда. — С вином.

— У меня нет вина, — сухо ответил он. — Но есть водка. А вот чай будет.

— Пусть будет, что будет, — раздражённо от- ветила Люда.

И Лёня вышел на кухню.

Кот сидел на полу, не меняя позы.

«Только бы он не погнался за Леонидом, — по- думала Люда. — А мне надо смириться».

Лёня быстро принёс чай: он приготовил его за- ранее, кому — неизвестно.

Люда послушно вынула из буфета пирог, пече- нье, сладости, конфеты и варенье. Всего было очень много.

Разложила на подвижном столике. Чай оказался на редкость вкусным, точно он был для живых. Лёня молчал, а потом вдруг заговорил о захоронении кота.

— Ты знаешь, его негде хоронить, — жалобно и даже просительно заключил он.

— Но ведь объект ещё не умер! — вскричала Люда, посмотрев на неподвижного кота.

— Не всё ли равно, когда он умрёт, — усмехнулся в ответ Леонид. — И я решил захоронить его в стене собственной комнаты, в той, что рядом с моей кроватью. — И он показал рукой. — Смотри. Вот в том месте я его замурую и схороню. Мы с ним не расстанемся. Ты согласна?!

— Боюсь, — выдавила Люда.

— А ты не бойся. Ну что страшного в замурованном коте?

— А тебе не страшно сейчас?

— Я буду с ним жить, когда он будет замурован. Это так приятно, когда кто-то находится у тебя в стене.

— Хорошо, что от тебя не скрыли диагноз.

Лёня даже привстал от удивления.

— Диагноз, диагноз, ну и чёрт с ним, с моим диагнозом! — проговорил он, двигаясь по комнате. — Я хочу замуровать собственного кота. После смерти не моей, а его. Безболезненно. Неужели я не имею на это право? Или я кто, по-твоему, у Бога? Вошь, тля, небытие, что ли?

И он злобно посмотрел на Люду.

— О каком небытии может идти речь, — заговорила Люда, внутренне подчиняясь ему. — Особенно после смерти. Какое может быть небытие после смерти?! Даже у замурованного кота?! Что мы, не боги, что ли?

Но Лёня не обратил на её слова ни малейшего внимания. Он всё быстрее и быстрее бегал по комнате, точно желая освободиться из-под чьих-то лап. Иногда чесался.

— Что мне кот?! — кричал он, брызжа слюной. — Что мне вообще эти стены?! У меня есть мой талант, в конце концов, поймите вы это, чёрт вас побери! И ты думаешь, кто я? Кто я? — продолжал он, и вдруг губы его задёрнулись и глаза наполнились слезами, тяжёлыми, не быстрыми. — Попугай?! Кот?! Гений?! Сумасшедший?! Кто я вообще, родившийся тут? И почему я родился? Что мне делать, что мне делать?! Что делать?!

У Люды сильнее забилося сердце.

— Да всё будет хорошо. Вылечишься ты, — пробормотала она. — Сколько на свете здоровых людей!

— Да я не об этом, — вдруг Лёня опять ушёл в себя. — Я о коте говорю. Надо, надо его замуровать. — И Леонид даже успокоился. — Посмотри, он совсем ослаб. И просто не хочет жить. Он сам хочет, чтобы его замуровали, чтоб не видеть этот мир.

Сели пить чай. Но Леонид не раскаивался. Кот действительно выглядел слабым. Пирожные, конфеты, пироги словно превратились в не то, что они есть на самом деле. Они даже не ели их, а проглатывали, словно они были воздушные. Да и комната Леонида уже походила не на комнату, а скорее на тюрьму, летавшую по космосу.

— Тьфу, — сплюнул Лёня. — Что будет с моим талантом? Ты понимаешь, я чувствую себя выделенным — выделенным из всего целого. Я вам не вселенная какая-нибудь, а личность, крик! И я хочу жить! А где жить, когда везде один кошмар и галлюцинации. Я и после смерти, если хочешь, буду рисовать свои картинки! У меня талант!

— Леонид! Но чем же ты будешь рисовать после? — вдруг тупо спросила Люда. — Там нет красок и нету рук. Ещё мыслить и сочинять легенды, я думаю, там можно.

— Хватит, хватит, хватит! — закричал Леонид. — Ничего не хочу слышать. Ничего! Ничего! Всё это враньё, сплошное враньё, ты понимаешь, враньё и то, что мы существуем, и про какие-то краски, враньё и про смерть, никакой смерти нет и никого «там» нет. Врут все и про всё! Ничего, ничего нет! И диагноз мой — бред.

— Да успокойся ты, не говори так быстро.

— Я, Люда, свой портрет нарисовал, — заплакал вдруг Леонид, — чтобы память осталась. Подарю его тебе, будешь глядеть на него по ночам, а?

— Буду.

— Тогда подарю. Только не бойся, что выходить оттуда буду. Я ведь бедовый, а тем более после смерти как не выйдешь.

Руки его дрожали. И у Люды у самой стали дрожать руки. Она подумала о том, что не стоит ей прогуливать институт и лучше ходить на эти занятия, чем умереть.

— А кот я всё равно замурую, — прошептал Леонид.

— Напрасно. Не делай этого.

— Почему напрасно? Я ещё, может, очень долго проживу, лет 20, но не больше. Приятно жить, когда рядом с тобой в стене сидит труп, пусть даже кота. Ведь кот тоже живое существо.

— Да, да, ты проживёшь лет двадцать, — пробормотала Люда, взглянув в его глаза, полные слёз.

— А что будет с котом после смерти, ты знаешь, читала? — спросил он.

— Читала немного.

— Читала! — злобно прервал Леонид. — А я вот знаю.

— Ни в какую общую родовую душу они не вливаются, Лёнь, — тихо ответила Люда. — А существуют индивидуально, но в общем мировом потоке кармы своего рода.

— Ишь, загнула, учёная! — усмехнулся Лёня. — Да они стучат по ночам, если ты хочешь знать! Мёртвыми лапками по стене дома — потому что жить хотят. Вот что! А самые главные среди них мяукают, когда кто-нибудь хороший среди людей умирает. Если в агонии, перед самой смертью, за 2–3 минуты до конца услышишь мяуканье — это значит, тебя покойные коты зовут. К себе. И тогда надо идти, идти к ним... навсегда... В них тоже есть Бог... навсегда... навсегда.

И Леонид разрыдался.

Людочке до ужаса стало жалко его, так что самой захотелось умереть. Она обняла его, зацеловала. И стала яростно говорить о вере, о том, что спасение — только в ней, это проверено тысячами, так было и так будет. «Ты веришь, — бормотала она, целуя и лаская брата, — ведь без веры нельзя умирать?!»

Но Лёня посмотрел на неё изумлённо-холодными глазами и даже несколько отчуждённо.

— Неужели ты думаешь, что я не верующий? — спокойно и высокомерно спросил он, и слёзы исчезли в его глазах. — Я верю, но не в этом дело.

— Что ты говоришь, как же не в этом дело?! — вскричала Люда.

— Я умираю, умираю! — закричал вдруг Леонид и, вскочив со стула, опять забегал по комнате, крича так, как будто вера — это одно, а его смерть — совсем другое. Кончил кричать он как-то мёртво и пусто, сел, выпил чай из блюдца и захохотал.

Люда в ответ тоже захохотала. Так и хохотали они, брат и сестра, одни в этой комнате.

— Ты знаешь, — прервав, начала Люда. — Одному моему приятелю удалось съездить в Индию, и он встретил там гуру. Учитель спросил его, что он больше всего боится в жизни. Мой приятель ответил, что смерти. В ответ индус так захохотал, просто невероятно, он хохотал почти четверть часа, настолько ему было дико, что человек боится такой ерунды, такого простого перехода, как смерть.

— Лучше бы он хохотал не над смертью, а над жизнью, — мрачно ответил Лёня. — Всё равно для меня смерть — загадка и ужас, пусть хоть вся Индия хохочет над этим! А вот над жизнью пора, пора уже давно похохотать, Люда...

— Да, непонятно ещё, над чем и почему этот индус смеялся, — заметила Люда. — Потому что другой индус, которого встретил там мой приятель, на вопрос о смерти только молчал, и серьёзно так молчал, чтобы понятно было, что есть в смерти какая-то «закавычка»... А впрочем, темна вода, кто его знает...

— Да что ты всё о смерти и о смерти, — огрызнулся Леонид. — Как будто у тебя диагноз, а не

у меня. Над жизнью хохотать надо — вот над чем!
Вот что непонятно.

— Да не вместим мы этого никогда, Лёня, — миролюбиво отметила Люда, прихлёбывая чай. — Не вместим. Блок, величайший поэт нашего века, но всё же не выдержал, помнишь: «Пускай хоть смерть понятней жизни...» Где уж другим выдержать.

— Да что ты мне всё о поэтах. Были ли они, не были... У меня свой талант есть. Свой! — вдруг закричал, покраснев, Леонид. — Свой талант! И что, что, что мне делать?!

— А я хочу, — ответила Люда, — хохотать над жизнью. Что ещё остаётся делать?!

— Хохотать на том свете будем! — внезапно раздался громкий голос за дверью.

Леонид вздрогнул, в дверь стукнули, потом она распахнулась, на пороге стоял сосед-толстун с бутылкой водки в руках. Звали его Ваней.

— Все диагнозы — к чертям! — заорал он. — Эх, жить будем, гулять будем, а смерть придёт — выпивать будем! — лихо пропел он и, подбежав к Леониду, поцеловал его в ухо. — Не бойсь, Лёня! Всё одолеем! — добавил он.

— Ваня, уймись, — произнесла Люда.

Но Ваня не захотел униматься, от его жирновесёлой прыти дым стоял столбом по комнате. Всё-то он опрыгивал, всё-то он осматривал, до всего ему было дело.

Тут же налил ошеломлённому свою смертью Леониду полстакана крепчайшей водки — 56 градусов — и Люде тоже капнул в стакан.

— За смерть, за жизнь, за их единство! — хотнул Ваня, поглаживая брюшко.

— Сколько же стаканов ещё мне осталось, — проговорил Леонид.

Было такое впечатление, что весть о близкой смерти камнем лежит на его сердце, но в то же время он как будто имеет ещё какую-то заднюю мысль или даже гипотезу, от которой только — осуществись она — сплошное веселие должно сотвориться на земле, если, впрочем, от неё что-либо останется... Но это было только впечатление. И что-то непонятное оставалось в Леониде — так чувствовала Люда.

Вдруг присмиривший было Леонид вскочил:

— Да что же мы сидим на одном месте! Как Обломовы какие-то! — вскричал он. — Вперёд, вперёд, навстречу...

Все подскочили. Наскоро допили разлитую водочку, бутылку захватили с собой — и вперёд, вперёд, на общение; может быть, думала Люда, они найдут того, кто откроет им всё. Именно всё. Сердце её билось, колени почему-то дрожали, ей было жалко братца почти как себя, и в то же время появилась странная надежда встретить людей, которые если и не откроют «всё», то поймут и облакают. Ум её метался от одной мысли к другой.

Выбежали — все трое — во двор, и уж неизвестно было, кто чего ожидал. Люда вроде бы вела их по направлению к дому, где жил один таинственный эзотерик, но она знала, что его сейчас нет в Москве, и вела просто так, не зная куда. Они шли уютно-заброшенными дворами, попадались

им по пути странные ангелоподобные русые мальчишки и девчонки и потом малыши, играющие в прятки. Их ответы на вечные вопросы были ещё впереди. На скамейках, недалеко от них, застывали 80-летние старушки с погасшими, но ещё загадочными глазками: эти, если и знали кое-что, уже не могли ничего выговорить; высох язык, ушли в небытие губки, ум исчез в одну точку...

Леонид из последних сил только подбадривал всех — вперёд, вперёд!

Пройдя мимо угрюмого уголовника, играющего ножом сам с собой, они вдруг вышли на зелёный дворик, сбоку виднелись могучие, уходящие ввысь сталинские небоскрёбы, а в углу дворика, за брёвнами, их прямо-таки приветствовал весёлый человек, помахивая рукой, приглашая к себе; около него приютилась компания: два человека — юноша и девушка.

— Прямо к нам, прямо к нам! — с хохотком повторял этот весёлый человек с брюшком и бородкой.

Люда, инстинктивно почувствовав своё, направилась вместе с Ваней и братом туда.

За брёвнышками и между забором образовалась уютно-московская маленькая лужаечка, где сидели эти трое: весёлый, неопределённого возраста, который представился Сашею; молодой человек Серёжа и девушка Лиза. На травке лежали бутылочки пивца и винца и весьма разнообразная закуска.

— Я вас узнал, — смеясь, говорил Саша, — хотя мы незнакомы, но я вас узнал. Свои люди.

— Конечно, свои, свои, — умилился Ваня. — А кто же мы ещё. Не из океана же вылезли.

— Давайте, друзья, выпьем за смерть, — подхватил вдруг Леонид. — Ведь пьют же за супротивника.

— Да мы её метлой, метлой! — возмутилась Лизочка. — Выпьем, чтоб её не было.

— Действительно, хорошо! — захохотал Саша. — Смотрите, из-за такого тоста и кошка помоечная к нам идёт и тоже бессмертия хочет!

И правда, тихая, поганая кошечка, не боясь, подошла к этой шумной компании, точно присоединяясь.

Все подхватили тост и выпили ясно, без тоски. Да и кошка помоечная мяукнула при этом. Лизочка посмотрела на Люду.

— Сестру, сестру в тебе я вижу, Люд, — пробормотала она. — Вот как бывает: сестёр и братьев вроде полно на улице, но ты — особая сестра, самая близкая...

— Это почему же?

— Не знаю, Люд. Я ведь сирота. А в твоих глазах — моё есть, что скрыто, а не только то моё, что у всех у нас есть.

— А где ж отец да мать?

— Смерть они не победили, Люд. Потому и нет у меня отца с матерью. Зато Рассея есть. Этого для меня достаточно, и на тот свет хватит.

— Ах, вот ты какая, Лизочка. — И Люда поцеловала её. — Тогда мы сёстры навсегда.

Но тут вмешался Сергей. Он был странен, сер и теперь совсем не выглядел молодым.

— Ребята, — проговорил он неожиданно и сурово, — я считаю, что смерть можно победить чем-то ещё гораздо более чудовищным, чем сама смерть. Но что может быть чудовищнее смерти?

Саня чуть не упал от восторга, всплеснув руками.

— Да где ж это искать, кроме как внутри нас, — заговорил он, опомнившись от хохота.

— Конечно, конечно, — подхватила Люда. — Только внутри нас это и есть. Такое чудовищное, что и смерть испугается. Только как это чудовищное открыть в себе? Оно ведь просто так не валется, а глубоко скрыто. Не каждому дано его видеть, а тем более знать. Помоги, помоги нам открыть это чудовищное в себе, Сашенька, помоги. Недаром мы встретились — так блаженно, так неожиданно в углу этого дворика. Посмотри, как Леонид ждёт...

Саша посерьёзней и внимательно посмотрел на Люду.

— Эх, Люда, Люда, — вздохнул он и опрокинул в себя полстаканчика недопитой водки. — Что ж, если б я знал, разве я такой был, на человекав похожий? Да я б тогда знаешь в кого б разросся?! Ты бы меня и не узнала. — И он недоуменно развёл руками. — Да я б тогда и сам себя не узнал, Люда, откровенно-то говоря. Я и во сне даже иной раз сам себя не узнаю. Такой огромный становлюсь и ничего про вашу жизнь, человеческую, не знаю. А как из сна выхожу — то не помню про ето. Не тот человеческий умишко, чтоб помнить про такое. Вот так.

— Ох, Сашенька, — разохалась Люда. — Вот как, бредёшь, бредёшь, и вдруг — своих найдёшь. Кто б мог подумать, что встреча такая будет, с тобой и с Лизой, ни с того ни с сего...

Тут же подняли тост за «ни с того ни с сего».

А потом настала тишина. Казалось, все бури улеглись на время в душе. Поганая кошечка разлеглась рядом, удовлетворённая. Тон в молчании задавал Леонид. Словно он ушёл в поиск неизвестно чего. Да и не пил он почти.

И разговор потом возобновился, обрывистый, но многозначительный. Поговорив так с часок, обменялись адресами, зная, что дружба будет. Только Леонид оставался сам по себе. Дул ветер, тайно и близко шелестели травы и листья на берёзках, и в воздухе стояло что-то грозное.

Люда, поцеловав опять сиротку — Лизу, увела своих, да, собственно, Ваня куда-то исчез, и они опять оказались вдвоём с так и неразгаданным Леонидом. Люда решила отойти ненадолго, что-то купить, а потом опять забрести к своему брату...

Вернувшись к нему, она вздрогнула: что-то произошло с ним.

Лежал он скомканный, надломленный на диване, свернулся, как измученно-избитая кошка, потерявшая ко всему интерес.

— Что, что с тобой?! — вскрикнула Люда.

И Леонид ответил. Он медленно повернул к ней своё полное ужаса лицо и закричал:

— Я не хочу умирать! Всё кончено для меня! Всё кончено!

— Как всё кончено?!